

18+

АЛЕКСАНДР БОЯРСКИЙ

**МИСТЕР
ДЖАЗ, ИЛИ
НЕКОТОРЫЕ
ЛЮБЯТ
ПОГОРЯЧЕЕ**

Александр Боярский

**Мистер Джаз, или
Некоторые любят погорячее**

«Издательские решения»

Боярский А.

Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее / А. Боярский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609379-9

«Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее» — роман создавался, как будущий музыкальный фильм, с песнями написанными в джазовом стиле, как квинтэссенция некогда известных и очень любимых зрителями популярных музыкальных комедий прошлого... Это роман-кино, где комедийные романтические действия героев и событий, развиваются в стремительном музыкальном темпе, на фоне социальных ситуаций второй половины 90-х годов двадцатого века. Это классическая комедия положений с переодеваниями, путаницей.

ISBN 978-5-00-609379-9

© Боярский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой происходит завязка	6
Глава четвертая, в которой начинаются горячие приключения	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мистер Джаз, или Некоторые любят погорячее

Александр Боярский

© Александр Боярский, 2023

ISBN 978-5-0060-9379-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Боярский

**Мистер Джаз
или
некоторые любят погорячее**

роман

романтическая комедия на вечную тему с песнями и танцами, с острыми диалогами, приключенческим сюжетом и добрым концом.

Глава первая, в которой происходит завязка

...Музыка звучит в джазовой манере. Яркая сцена переливается в лучах разноцветных софитов. На сцене появляются танцоры-«степисты» в ярких костюмах и канотье. С середины сцены вверх уходит серебристая лестница, по краям которой стоят и играют музыканты в белых костюмах. В лучах прожекторов, в изумительном наряде, на самом верху сценической лестницы появляется молодая и очень красивая певица. Вступление становится все громче, и начинает звучать песня. Песня эта тоже в джазовой манере, но в современной аранжировке. Певица поет и одновременно танцует, медленно спускаясь по ступеням лестницы. Она вместе с танцорами входит в раж, исполняет степ. Все мелькает в глазах. Певица искрометна и крутится, и вертится и танцует все быстрее. На сцене, словно вихрь из танцоров и певицы. Все сливается в каком-то фантастическом экстазе... Ну, блеск, просто блеск!..

И тут зазвонил телефон. На прикроватной тумбочке заверещала трубка радиотелефона. Из-под одеяла медленно выползла нехилая мужская рука, нащупала дребезжавшую от звонка трубку и уволокла её к себе под одеяло.

– Алё! – просипел сонный голос, – я вас пытаюсь выслушать!

– Серёга!!! Ты с ума сошёл! Ты где? – громко кричала трубка грубым мужским голосом.

– Я тут. А вы?

– Где тут?

– Как где? Во сне! Под одеялом! Говорите! Я вас внимательно слушаю! – медленно ответил спящий. Из—под одеяла также медленно появилась голова с телефоном у уха, хоть и заспанного, но молодого и симпатичного человека лет тридцати от роду, нехотя приходящего в себя от доброго сна.

– Ты ещё долго собираешься спать! Ты всех нас подставляешь! Ты что, забыл? Сегодня же прослушивание! Там же будет столько народу. Продюсеры, исполнители, музыканты, певцы. Ты что, каждый день выступаешь с концертами по Европе? В кои веки понадобился джазовый коллектив, а он, видите ли, проспал... – трубка наконец перестала изрыгать поток словесной лавы и замолчала.

Сергей улыбнулся, скинул одеяло и уселся на кровати, свесив ноги.

– Не ругайся, Палыч! Я такой сон видел, это просто потрясный номер будет. Умереть – не встать! – Сергей ерошил свои волосы левой рукой, словно пытаясь их причесать после сна.

– Я умру явно до того, как ты встанешь! – изрек Палыч.

По Садовому кольцу среди шумного потока разноцветных автомобилей мчался серебристый «Москвич». В салоне автомобиля сидели четыре человека. Трое из них были молодыми ребятами, а четвертый был в годах, с легкой проседью в волосах, в золотистых очках-хамелеонах, в светлом летнем костюме и с сотовым телефоном в руках... Пал Палыч, коммерческий директор группы музыкантов, мужчина в возрасте, как говорят, за пятьдесят, но очень энергичный и достаточно молодцеватый. Это он вел неповторимый диалог с Сергеем, музыкальным руководителем и композитором ансамбля «Арт-Клуб».

За рулем «Москвича», не обращая внимания на эти разговоры, сидел невозмутимый Николай. В данный момент, перед ним была дорога

и ничего более, лишь изредка он посматривал на Палыча, и на его губах появлялась легкая усмешка.

– Опять Серега что-то изобрел? – обратился он к Палычу.

– Сон ему, видите ли, приснился, ясновидец ты наш.

– Какой еще сон? – раздался голос сидящего сзади Глеба.

И только Рудик, гитарист-аранжировщик коллектива, продолжал молчать.

В комнате Сергея было светло благодаря полураскрытым шторам.

Сергей продолжал сидеть на кровати и говорить в трубку телефона:

– Послушай, Палыч, не сердись, но я действительно во сне увидел не только новый номер для нашей программы, но и исполнительницу тоже.

– Какую еще исполнительницу? Ты что, совсем очумел? Чем у тебя голова забита?

– Я серьезно, Палыч! Это будет потрясающий номер. Такого уже давно никто не делал, ты понял? – Сергей захлебывался от восторга.

– Да-да, я понял, что ты рехнулся окончательно. Ты, когда спать лег, маэстро?

– Часа в два, я песню сочинял. Кстати, классная песенка получилась. Хочешь напую?

– Иди ты к черту, маэстро! То ему певицы снятся, то он песни сочиняет. Быстро одеваться, через десять минут мы будем у тебя. Ждем у подъезда. Кастинг не ждет! Пока! – и Палыч отключил мобильник.

На кухне Сергей быстро допил чашечку черного кофе и, уже одетый в легкие светлые брюки и рубашку с короткими рукавами, выскочил в прихожую. Надел белые туфли, тонкий летний пиджак и, открыв дверь, оказался в коридоре. Пробежав один пролет по лестнице, Сергей остановился на секунду у почтовых ящиков и по привычке заглянул в свой. Когда он его открыл, то увидел на самом дне конверт с письмом. Быстро взглянув на обратный адрес, он ничего не понял, но разбираться сейчас ему было некогда. Сергей сунул конверт во внутренний карман пиджака, быстро закрыл ящик и дальше побежал по лестнице.

Открылась дверь подъезда, и на крыльце появился Сергей. Он увидел друзей и махнул им рукой. У обочины во дворе уже стоял «Москвич» друзей. Глеб и Палыч махали ему руками.

– Серега! Давай быстрее! Опаздываем! – крикнул Глеб.

Сергей уже бежал к машине. Глеб подвинулся ближе к Рудику, который до сего момента все время молчал, а тут вдруг выступил:

– Ну, и долго это будет продолжаться?

– Хорош, Рудик, не заводись! Все хоккей! С кем не бывает?

– Со мной, – произнес Николай тоном, не терпящим возражений.

Сергей плюхнулся на заднее сиденье «Москвича», и, чтобы разрядить накаляющуюся атмосферу, чуть не засмеявшись, произнес:

– Знаете, как еврейка приглашает семью к обеду? – все сидящие в машине повернули свои головы к Сергею.

– Мойша, детки, быстрее в машину, а то закусовая закроется.

Все прыснули со смеху.

– Намек поняли. Поехали! – сказал Палыч...

И «Москвич» тронулся в путь.

Машина ехала по Садовому кольцу, когда Сергей запел новую песню, которую ребята еще не слышали. Для аккомпанемента он стал похлопывать себя по коленям. Мелодия им явно понравилась, и они стали тихонько ему подпевать. Глеб достал из кармана пиджака губную гармошку, решил подыграть. Сережка смотрел на проносящиеся за окном автомобиля улицы, дома, вывески магазинов. Он опустил боковое стекло, и ветер стал трепать его волосы. Он пел и уже слышал оркестровую аранжировку. Солнце блестело в его глазах, и ему уже грезились...

Вот он идет посреди широкого проспекта в белом костюме, с тросточкой и в белой шляпе и поет эту песню. А вокруг проносятся автомобили. А он танцует и поет...

Он танцует и поет на крыше небоскреба, а вокруг него целый ансамбль парней и девушек...

Вот Сергей танцует на лестнице Крымского моста.

А вот появляется из-за брызг какого-то фонтана.
Как это здорово – петь о любви, о мечтах, о счастье...

– Приехали! – вдруг раздался резкий голос Палыча.
И Сергей пришел в себя, оказавшись в реальности.

Друг за другом все вышли из машины. Оглядели многоэтажное здание и направились к центральному входу, поднимаясь по высокой лестнице. Пройдя по длинному коридору, они уперлись в стеклянные двери приемной. Если это место можно было так назвать. Приемная была явно импровизированной, приспособленной на время кастинга артистов. За одним столом сидела секретарша, а за другим за компьютером сидела молодая девушка и что-то печатала. Сбоку от них за большим стеклом находился маленький зал со сценой. На сцене играл джазовый ансамбль, у микрофона стояла певица. Музыка была слышна в помещении, когда туда ввалились ребята с цветами.

– Смотри, Валь, они опять здесь, – это секретарша сказала девушке за компьютером. Та только в ответ слегка улыбнулась.

– Доброе утро. Всем привет! – сказал Палыч и поправил свой галстук.

– Как жизнь, девочки? Вы сегодня просто очаровательны! – и Сергей протянул букет цветов секретарше.

Палыч протянул девушке за компьютером маленькую коробочку с сувениром:

– Маленький пусячок на память, – и хитро подмигнул.

– Пусячок, а приятно, – довольная, ответила девушка.

– Здравствуйте, господа. Феликс Михайлович просил его сейчас не беспокоить. Он как раз прослушивает оркестр. Вы знаете, что для гастролей он ищет ансамбль с громким именем, известным вокалистом и собственными песнями.

– Танечка, мы виноваты, что опоздали, но, может быть, Феликс Михайлович уделит нам хоть маленькую такую толику своего времени и послушает этот замечательный состав? – Палыч облокотился о стол и смотрел в лицо секретарши немигающим взглядом.

– Мы так надеемся на это, – жалобным голосом произнес Глеб.

– Это наш последний шанс, – тихо сказал Сергей.

– Очень жаль, но Он очень занят, – Танечка была неумолима.

– Что же нам тогда делать? Может быть в перерыве? – взмолился Палыч.

– Эй, потише там, не мешайте, – послышался чей-то женский голос из-за двери. Кому он принадлежал, никто не понял.

Сергей, наоборот, на этот призыв резко открыл дверь и вошел в зал. За ним внутрь последовали все ребята. Однако дальше не пошли, а замерли у двери.

– Кажется это Катя Белова, – полушепотом сказал Сергей.

– Как хорошо поет, – это уже свою голову просунул Николай.

– Нет. Изумительно! – восхищался Сергей.

Ребята медленно стали продвигаться к сцене.

.Было ясно, что голос у певицы есть. Сергей смотрел на неё.

– Я считал, что у неё глаза черные, а ведь они совсем голубые.

– Это тебе тоже во сне приснилось? Слушай-ка, выбрось её из головы. Ты готов говорить о ней весь день! – Палыч даже не засмеялся.

– И я о такой мечтаю, но мне достаются другие, – проскулил Глеб.

– Се ля ви, как говорят французы, – такова жизнь, – посмотрел на него Сергей, – будь проще и к тебе потянутся, – и слегка улыбнулся.

Ансамбль на сцене стал явно фальшивить, и это привлекло внимание Сергея. Музыканты стали сбиваться с ритма, и певица явно занервничала.

– Не то. Остановитесь. Да хватит же! – она крикнула музыкантам, чтобы они смогли её услышать.

Жюри из продюсеров переглянулось. Феликс Михайлович даже встал. Он расстроился. Что-то явно не складывалось.

– Виктор, я же Вас просила транспонировать эту вещь на полтона выше.

– Мы играем так, как я её аранжировал, – пытался урезонить певицу дирижер.

– Но пою ведь я! А я буду петь так, как я хочу!

– Послушайте, это каприз.

– Э, о чем они спорят? – спросил Глеб.

– А... тебе не понять, – Палыч отвернулся от Глеба и посмотрел на Сергея.

Сергей ринулся навстречу певице.

Эмоции на сцене дошли до предела. Певица стала рвать ноты.

– Кого публика ходит слушать, Вас или меня?

– Но мой оркестр... – дирижер взмолился.

– Следующие готовы? – Феликс Михайлович сказал, словно для всех, ни к кому конкретно не обращаясь.

И пока со сцены уходили музыканты оркестра, таща за собой инструменты, на замену им выскочили три человека с электроинструментами, быстро их установили: клавиши на стойке, ударные и вокалист с гитарой у микрофона. Они тут же запели какую-то легкую песенку.

Мы вышли в сад, мы вышли в сад,

Не думая о том,

Как много значил первый взгляд,

В случившемся потом.

И кто теперь из нас за все в ответе?

Ведь мы не дети, ведь мы не дети...

Не обращая внимания на музыкантов на сцене, певица в темно-синей юбке чуть выше колен, в белой блузке, на каблуках, с копной темных волос подошла к продюсеру и громко, чтобы все слышали, сказала:

– Я не желаю с ними работать! – и пошла к выходу.

– Катерина, стой, – Феликс Михайлович повернулся за ней, и тут же обращаясь к коллегам, сказал:

– Это ещё что за ерунда такая. Это что, разве джаз? – и пошел догонять Катерину.

– Девушка, извините, – Сергей подошел к ней.

– Да, – взглянула она на Сергея.

– Извините, – он посмотрел в её голубые глаза. – Круто, леди, круто, но вы совершенно правы, я уверен. Такого дирижера надо было проучить за его фокусы.

– Благодарю, – она уже остыла и спокойно смотрела на молодого парня перед ней.

Подошел Феликс Михайлович.

– Катя, я просто в отчаянии, что так вышло. Это чистая случайность. Поверь, они хорошие музыканты.

– Чепуха это, а не случайность. Дирижер не изменил тональность намеренно, чтобы сбить певицу, – высказался Сергей.

– Кто вы такой? – Феликс Михайлович повернулся к Сергею.

– Как, вы разве не знаете Сергея Утехина? Это же Мистер Джаз! – это Палыч влез в разговор. – Да его вся Москва знает!

– Да?! А меня вся Европа!

– Познакомьтесь, Феликс Михайлович, это наш джаз-ансамбль «Арт-Клуб». А перед Вами арт-директор Пал Палыч Раменский. Это я вам звонил.

- Очень рад, – пробубнил Крутов и снова обратился к Кате:
- Катя, вы больше не будете петь?
- Я больше ни одной ноты не спою с этим составом, – она посмотрела на Сергея. – Мы с Вами где-то встречались? Это было в клубе «Джаз», вы там играли, верно?
- Да, было дело по весне.
- Вы знаете эту песню? – вдруг спросила он Сергея.
- Нет, но я достану ноты через пять минут. Только скажите.
- Нет, нет, не стоит беспокоиться. А какие ноты у вас с собой?
- Тут Палыч достает из-за спины свою папку с нотами.
- У нас большой выбор. Вот посмотрите, это самая свежая песня. Наш Сережа её только ночью написал. Это как раз в вашем вкусе. Вы её чудесно споете.
- Если Феликс согласен послушать меня с этим джазом, я готова.
- Конечно, Катя. Прошу вас.

...Зазвучала музыка лирической песни. Сергей начал дирижировать, потом сел за рояль и стал играть красивое вступление.

Феликс Михайлович сел в кресло, достал сигарету, и к нему сразу потянулись руки с зажигалками, но всех опередил Палыч, дал прикурить шефу. Коллеги даже удивились такой проворности нового человека. А он стоял невозмутимый и слушал музыку...

И Катя запела красивым и мягким голосом:

Летний полдень, а в сердце моём
Опять осенний полумрак.
Потому что только, когда мы вдвоем,
Всякая невзгода превратится в пустяк.
Скажешь ты: «Грустить не надо»,
Словно прошумит листва.
Как в жаркий день прохладная тень,
Необходимы мне твои слова.

Словно песня, твой голос звучит,
И в плавном ритме этих слов
Мир прекрасной тайны, наверное, скрыт...

Катя пела песню, Сергей аккомпанировал ей за роялем, ребята старались играть по нотам без единой ошибки. Феликс Михайлович потеплел. В его глазах появилась радость. Он весь засветился. Повернулся то к одному члену жюри, то к другому и понял, что им тоже понравилось исполнение, песня и сам коллектив. Когда исполнение закончилось, Феликс Михайлович встал с кресла и поднялся на сцену.

- Божественно, Катя! Это было великолепно! Мальчики, вы откуда такие талантливые? Почему я вас раньше не видел? Где вы пропадали? – и повернувшись к коллегам, произнес:
- Пройдёмте в кабинет.
- Аранжировка великолепная, – Катя подошла к Сергею.
- Моя, если честно. Но важна не аранжировка, все дело в певице.
- Благодарю. Я тронута.
- И вам спасибо!

Шеф с двумя своими коллегами обсуждал выступление.

– Слушается он очень неплохо. Можете составить контракт.

Палыч просунул голову в приоткрытую дверь и слушал, о чем они там говорят.

– В сущности, очень неплохо. Для начала можно и без громкого имени.

– Хорошо! – сказали коллеги, и пожали друг другу руки. Шеф от неожиданности удивленно посмотрел на них, но ничего не сказал и отошел в сторону. Тут же в кабинет вошел Палыч и бросился к Феликсу:

– Решение правильное. Спасибо! Поздравляю вас! – он слегка суетился. – Вы сделали правильный выбор. Благодаря таким людям в нашей стране снова завоёвывает популярность джаз, – и тут же добавил:

– А скоро премьеры?

– Осенью! Но, мне бы хотелось Ваших ребят услышать раньше.

– Нет проблем! Но до осени ещё полтора месяца. Господин Крутов, если считать, что мы уже договорились и вы нас берете в свою программу, и очевидно, что наш ансамбль вам нравится... – он сделал маленькую паузу.

– Для начала, говоря по-деловому, (Палыч забрался на стол и закинул ногу на ногу, да так, что стала видна протершаяся подошва его башмака.) я хотел бы получить небольшой аванс.

– Что, плохи дела?

– Нет. Деньги для меня ничего не значат. Я вспоминаю о них, только когда ложусь спать. Нормально. Забота о ближнем. Я просто боялся забыть о них. Как всегда.

Тут Феликс Михайлович увидел протершуюся подошву туфли Пал Палыча, и тот сразу опустил ногу, обескуражено глядя на Феликса Михайловича.

– Это у меня примета такая. Иначе...

– Всё понятно. Приезжайте завтра в клуб «Парадиз», до отъезда на гастроли можете смело там играть, если не будет возражать Катя.

В это время Катя и Сергей под ручку выходили из зала.

– Она не будет возражать, – изрек Палыч. – Я уверен.

– Значит, встретимся в шесть, – сказала Катя Сергею у самой двери, держа его за руку.

– Пожалуй, это очень рано. Там никого не будет, кроме нас.

– А разве это плохо?

– Нет, конечно, – сказал Сергей и увел Катю в дверь. – Я буду ждать тебя там. До свидания!

– До свидания! – сказала Катя на прощание и ушла.

– Отлично, Феликс Михайлович! Вы не пожалеете.

Шеф уходил, и Палыч его проводил до выхода из кабинета.

Сергей и Палыч вернулись в зал.

– Ну, мальчики, дело в шляпе. Ухватили все-таки фортуна за хвост.

Он вышел в приемную и, достав из кармана брюк червонец, положил его на стол секретарши со словами:

– Вот тебе, крошка. Купи себе «Альпен Гольд»!

Затем браво вышел за дверь, но через секунду вернулся, положил еще червонец, и добавил:

– С орехами! – и вышел, довольный, к ребятам.

– Мальчики, дело улажено, – от радости он потирал руки. – На днях начинаем играть в клубе «Парадиз», ну а потом и Европа, черт побери! Не хило, правда!

– Не будем обольщаться, но для начала неплохо! – Сергей по-дружески ткнул кулаком Глеба и улыбнулся. – Разбегаемся. А то у меня тут вечером намечается деловая встреча, и не мешало бы к ней подготовиться. Без обиды, мужики.

– Пора по-ба-бам! Пора по-ба-бам! Пора-па-па-па-па – запел на мотив известной песенки Глеб, подкалывая Сергея.

– Увидимся, – бросил он ребятам, и скрылся за дверью.

– Мужики, роман только начинается! – Палыч приложил палец к губам.

Глава вторая или там, где начинается любовь

Катя и Сергей сидели вдвоем за круглым столиком в ресторане. На столе стояла ваза с фруктами, бутылка сухого вина. Горела свеча. В фужерах было налито вино. Зал был наполовину пуст, но постепенно посетителей питейного заведения становилось всё больше, но Катя с Сергеем этого просто не замечали.

На небольшой эстраде играл песенку в стиле шансон ресторанный ансамбль. Молодой певец в цветной рубашке стоял у микрофона и пел, помогая себе руками, как это часто делают некоторые исполнители, а маэстро сидел за роялем, рядом парень в жилетке играл на гитаре, и на возвышении сидел ударник. По залу разносилось незамысловатая песенка:

Твое лицо теряется вдали...
В тумане юных лет мы рядом шли.
Как праздничная чаша, влекла к себе Наташа,
А после превратилась в Натали.
Я у тебя ни разу не спросил:
«Чья ты, кто на руках тебя носил?»
Ведь были так мгновенны, шаги твоей измены,
Но я, конечно, все тебе простил.

Сергей поднял бокал:

– Чокнемся?

– С тобой с удовольствием!

Бокалы встретились, и раздался хрустальный перезвон.

– Вот и музыка позволяет.

– Без шансона как без рук. Куда бы ни пришел, везде он. Почему у нас в ресторанах такое музыкальное однообразие?

– Ты действительно так сильно любишь джаз?

Сергей смотрел в глаза Кати. Вопрос был задан, и надо было отвечать.

– Люблю – это мало будет сказано. Друзья меня прозвали «Мистер Джаз», я думаю, что это о многом говорит. Разве не так?

– Ну, допустим. А что ты кончал? Училище? – она хитро прищурила глаза.

– А разве для того, чтобы любить джаз, надо обязательно что-то закончить.

– Так ты самоучка?

– Не совсем. Я учился...

Катя положила подбородок на сложенные руки и слегка улыбалась, больше даже про себя. Ей определенно нравился этот парень, но не подзуживать она не могла. Вот характер у неё был такой.

– Долго?

– Это очень важно?

– Конечно! Ведь нам скоро выступать вместе. А я хочу всё про тебя знать.

– Совсем всё?

– Ну, по возможности. Если ты не против?

– Да нет, я не против. Просто, не предполагал, что это главное в нашей встрече... сегодня.

Надеюсь, ты мне не будешь устраивать экзамен, и спрашивать, в каком стиле я больше люблю играть или сочинять песни.

Он был весел. Ему было хорошо с Катей, и каких-либо насмешек Сергей не боялся.

– Я объявляю стоп тайм, и приглашаю тебя на танец. Судя по первым аккордам, это вальс-бостон, который, если мне не изменяет память, возник в начале 60-х годов на основе босановы. Не откажите мне, мадам! – Сергей шутливо улыбнулся, Катя ему нравилась все больше, а подтрунивать он тоже любил. Он встал и протянул руку, приглашая Катю на танец.

– С удовольствием, маэстро! – она приняла игру и пошла с ним в центр зала.

– Кстати, так как наш ансамбль небольшой, мы часто используем стиль кул: гитара, ударные, вместо контрабаса бас-гитара и альт-саксофон. Друзья говорят, что на гитаре я играю не хуже Лориндо Алмейда

Они танцевали и говорили. Говорили и танцевали.

– А ты неплохо ведешь, – в её глазах была улыбка.

– Стараюсь.

– Не хвались, маэстро. Исповедуешь принцип: сам себя не похвалишь – никто не похвалит, да?

– Вы мне льстите, мадам! Я тронут вашей пронизательностью!

Катя в ответ засмеялась. Они закружились ещё стремительнее в ритме вальса. И тут Катя возьми и скажи:

– А слабо здесь спеть?

– А вот и не слабо! И что желает леди? Может, рок-н-ролл? Твист? А? Прощу, заказывайте!

– Свою коронную! – Катя вся светилась. Она была счастлива как никогда.

– Заметано! Можно приступать?

– Шеф, действуйте!

– О кей!

Вальс закончился, и Сергей тут же подбежал к музыкантам и о чём-то с ними пошептался. К микрофону подался сидевший за роялем руководитель этого ресторанного коллектива, мужчина лет сорока пяти с густой шевелюрой черных волос, в белой рубашке с галстуком и, наклонившись к микрофону, сказал:

– А сейчас наш многоуважаемый гость споет для вас, друзья, свою песню. Встречайте – Сергей Утехин!

Все, кто стоял на танцевальной площадке, зааплодировали. Гости за столиками повернулись и тоже приготовились слушать. Сергей поднялся на сцену и, взяв в руки микрофон, нашел глазами Катю и с придыханием сказал:

– Эту песню я посвящаю своей девушке!

– О, браво! – слышались разные голоса. Люди снова зааплодировали.

Сергей повернулся к музыкантам, поклонился, сел к роялю и начал играть. После небольшого проигрыша он запел:

Если мне тоскливо в этот вечер,
Улиц шум, сиянье фонарей
Грусть мою, конечно не излечат,
Приходи ко мне и поскорей.

Катя вертела головой по сторонам. Ей стало интересно, как в ресторане люди воспринимают такую музыку. А публика танцевала вокруг Кати, и не очень вдавалась в подробности. Играет джаз, и очень хорошо! Катя в своем голубом приталенном платье и на шпильках слегка покрутилась в ритме мелодии. В этот момент ей было очень хорошо. Глаза светились от радости. Чудесно! Давно она не испытывала таких приятных ощущений. И тут она резко остановилась и снова посмотрела на Сергея.

А Сергей виртуозно играл на рояле. Пальцы бегали по клавишам. Музыканты ресторанного ансамбля с удовольствием ему подыгрывали и улыбались.

Катя поняла для себя, что хочет петь вместе с Сергеем, и смело двинулась к сцене. А Сергей продолжал:

Твой сердца стук, тепло нежных рук,
Согреют в который раз этой ночью нас.

Катя подошла к другому микрофону, что стоял на сцене, и они стали петь дуэтом.

Закончив петь, Сергей подскочил к Катерине.

Его глаза вопрошали.

– Ну как, леди, я не обманул ваших надежд?

– Пока нет! – и Катя мило улыбнулась.

Они спустились со сцены.

– И наших тоже! – раздался голос за спиной. Сергей оглянулся и был приятно удивлен.

Вокруг него стояли все ребята из ансамбля во главе с Палычем. Палыч и Глеб его обняли.

– Ты молоток, Серега!

– Это круто!

– Да, облажали весь шансон, господи! – многозначительно, но явно полушутя сказал

Палыч и добавил:

– Пора отсюда сваливать. Могут и не понять.

– Нет проблем, Палыч! Зачем на грубость нарываться!

– Как вы здесь оказались? – изумился Сергей такому неожиданному появлению друзей.

– Да вот гуляли не спеша, а тут кто-то джаз изображает. Семь нот всего, а слышно далеко.

– Предлагаю выпить за удачу! Шампанского!

– Отказов нет! Вперед и с песней!

Катя и Сергей шли рядом. Они гуляли по набережной Москвы-реки. Мимо проносились машины. Горела иллюминация. Проплывали речные трамвайчики.

Катя и Сергей целовались. И музыка играла не только в душе. Хотелось веселиться, совершить какой-нибудь безрассудный поступок. Просто подурачиться. Она вырвалась из рук Сергея и побежала вперед. Волосы от бега развевались, она смеялась, ей было легко и хотелось взлететь ввысь, в небо!

Катя бежала к Крымскому мосту, потом остановилась. Оглянулась, Сергей явно отставал.

– Эй! Мистер Джаз! Отстаёте! Лето. Ночь. Вода в реке холодная?

– Не знаю! – крикнул на бегу Сергей.

– Вот мы и проверим! – и Катя бросилась забираться по дуге моста на самый верх.

– С ума сошла! Разобьешься ведь!

– А что, слабо отсюда в реку прыгнуть? – Катя забиралась все выше и выше и продолжала смеяться. Она оглянулась, посмотрела вниз на стоящего внизу Сергея и как можно сильнее оттолкнулась и, взмахнув руками, прыгнула в воду «ласточкой», рассекая воздух. Послышался всплеск воды. На мосту остановились прохожие, наблюдая необычную картину. Кто-то закричал:

– Караул! Человек за бортом! Спасайся кто может!

Сергей рванул по мосту, нашел спасательный круг, сорвал его и бросил в воду. И с криком:

– Катя, я с тобой! – прыгнул вниз.

Сбежалась толпа зевак. Каждый старался рассмотреть утопленника в реке. Но все увидели, как парень, прыгнув с моста, «рыбкой» вошел в спасательный круг и исчез в мутных водах реки. Зато вместо него в спасательном круге появилась голова Кати.

Расталкивая зевак, к парапету пробирался средних лет постовой милиционер, длинный и худой, как велосипед, и дико орал:

– Кто утоп? Почему без меня? Кто разрешил? – и, перегнувшись через парапет, засвистел в свисток. Да так резко, что сам не удержался и стал вываливаться за парапет.

– Ой! Тону! – закричал тощий постовой. Рядом стоящая толстушка ухватила его за ноги, и как заверещит во всю глотку:

– Агас! Не удержу!

Хлипкий мужик схватился за милицейский френч, но тот затрещал по швам, и длинный тощий постовой вывалился из него, словно из пустого пакетика.

Катя уже выскочила из спасательного круга, когда в него со скоростью звука угодила тощий постовой и вызвав море брызг, исчез под воду, но через пару секунд вынырнув, головой снова оказался в круге, и как безумный, стал оглядываться.

Тут показалась голова Сергея из воды. Он прокричал:

– Катя! Я тебя люблю!

– Я тебе сейчас полюблю! – просвистел тощий постовой, когда увидел Сергея, – и исчез под водой.

– Сережка! Ты гений! Я тебя обожаю! – и Катя потянулась с поцелуем к Сергею, а он к ней. Они улыбались, смеялись, им было весело.

В этот момент, из воды показалась голова постового, и проворчала:

– Я вам сейчас поцелуюсь!

Глава третья, где появляется Варюха и начинает петь

Яркое солнце светило в окно. Лучи сквозь стекло падали на спящую девушку. Еще сквозь сон она потянулась, нащупала правой рукой на прикроватной тумбочке пульт от музыкального центра и нажала на кнопку. В комнате зазвучала эстрадная музыка. Она открыла глаза.

– Утро начинается с рассвета! Утро начинается с любви! И раз, и два. Откинув одеяло, она вскочила с постели, и ноги тут же коснулись ковра на полу. Юная красавица глубоко вздохнула, слегка потянулась и резко замахала руками, изобразив зарядку, а заодно и покрутив немного бедрами, как была, в коротенькой ночнушке, которая только-только прикрывала попку, прошла в угол комнаты к старому патефону. Тут она решила пощелкать переключателем по диапазонам музыкального центра, для чего повернулась к нему и, не найдя ничего приличного для себя, пробурчала:

– Я этого не переживу, – выключила эту музыкальную шарманку, а пульт бросила на кровать. Рядом стояли толстые патефонные пластинки в картонных конвертах. Достав одну, она положила её аккуратно на патефонный диск и, покрутив ручку, опустила иглу звукоснимателя на пластинку. Старая пластинка издала сначала хрустящий и шипящий звуки, но потом, словно вдруг зазвучал саксофон и голос Луи Армстронга. Накинув на плечи халат, в тапочках на босу ногу девушка выскочила на крыльцо старого дома. Было уже тепло, и хотелось петь.

Вдалеке виднелась большая река, этому не мешал даже старенький забор, что огораживал участок на окраине одного провинциального города в глубине России. Здесь все сплелось в единый клубок, перемешав и старые и новые здания.

Глядя на солнце, она раскинула руки и ласково, нежным голосом сказала:

– Здравствуй, солнышко!

И вдруг солнце ответило мужским забубенным голосом:

– Привет, Варюха! Чего вскочила ни свет ни заря?

Варя, а это была она, от такой неожиданности чуть не испугалась, но, когда через секунду смятение прошло, она повернулась на голос, и увидела за соседским забором дядю Васю. Он застегивал ширинку и ухмылялся сквозь щель в заборе.

– Шо, испугалась?

– Не было печали. Нашел место. А ну, катись отсюда, алкаш хренов! – под рукой как раз стоял таз с дождевой водой и, схватив его, прямо с порога Варя окатила соседа с головой холодной водой. Чертыхаясь, дядя Вася рванул с места, споткнулся, запутался в собственных ногах, поскользнувшись на утренней росе, с размаху влетел головой в забор и, выбив пару досок, застрял. Варюха, увидев это, дико захохотала, да так, что на хохот из дома на крыльцо выскочил её дед Афанасий Петрович с крынкой молока в руке, но не удержался в проеме двери, налетел на Варю и, поскользнувшись, сбил её с ног, облив молоком, не удержал крынку в руке, схватился за край двери, а крынка, словно снаряд, выпущенный из пращи, со свистом улетела по диагонали в сторону забора и приземлилась аккурат на голову дяде Васи. Тот взвыл от боли.

– Это что за чертовщина? Что ты ржешь, как сивый мерин? Что случилось?

Но Варюха, лежа на земле, от смеха не могла вымолвить ни слова и только показывала в сторону забора рукой. Дед развернулся всей своей старческой фигурой и увидел преинтереснейшую картину: их сосед Василий, тот еще алкаш, торчал головой в заборе, потирал голову от ушиба и стирая остатки молока с лица, все что-то пытался сказать, но за Варюхиным смехом так ничего разобрать и не смог. Зато голос Армстронга был слышен очень хорошо.

Позавтракав, Варя выскочила из-за стола, чмокнула деда в щеку и со словами:

– Дед, я в клуб на репетицию! – выскочила из-за стола и улетела вихрем из дома.

Дед лишь махнул головой и сам себе сказал:

– Ну, прям я в молодости! Джаз-вумен, говоришь? Поглядим еще! – и стал допивать чай вприкуску с сахаром.

Дверь резко распахнулась, и в репетиционную комнату влетела запыхавшаяся Варя. Джинсовая юбочка слегка выше колен, водолазка в полоску, больше похожая на матроску: то синяя полоса, то белая, и белокурая прическа, почти как у Мэрилин Монро, туфельки на каблукках. Не шпильки, но традиционные лодочки чёрного цвета, которые она очень любила. Девушка чуть ли не крикнула с порога:

– Я не опоздала? Цурипопикам и блям-блямчикам привет!

Не успела она закончить фразу, как зазвучала музыка и Костя запел милую песенку про Варю:

С Варькой в детстве мы играли,

Помню летом и зимой —

Варьку Варежкой звали,

По-французски Барбарой!

В комнате было шесть музыкантов. Молодые ребята, которым было лет по семнадцать-восемнадцать, явно только после школы. Кто лохматый, на манер моды семидесятых годов, а кто, наоборот, с очень короткой стрижкой. Кто-то стоял, кто-то сидел. Костя оборвал музыку и замер, выжидая, что скажет Варя.

– У Вас сегодня в джазе только мальчишки? А девочку забыли?

– Если ты уже здесь, то ансамбль «Великолепная семерка» в полном составе. Микрофон по тебе соскучился. Вася крутил контрабас вокруг своей оси. Леша стал выбивать дробь на ударных инструментах, а Костя выдал пассаж на гитаре.

– Чуваки, давайте не будем ссориться, коль наша Варя опоздала. С неё штрафной баллон пива и песня у микрофона. Возражения есть? Нет! Принимается! К стойке!

Варя взяла в руки микрофон:

– Что поем?

Семен ударил по клавишам старого пианино и, повернув голову к Варе, сказал:

– Давай «Май лав», – и стал играть вступление.

Варя выдохнула и, пританцовывая, запела:

Бывает грустно и нам порой,
Но светлым чувствам сердце приоткрой
И, всё поняв, послушай вновь,
«I» v got My Love» – простую песню про любовь.

Всё проходит как будто,
Джаз, волнуя, звучит.
Так, что в эту минуту
Вряд ли кто-то тебя огорчит...

Музыкой была наполнена вся комната: тут и саксофон, и контрабас, и ударные, и пианино – все звучало в унисон. Вася и Костя отстукивали степ, один с саксофоном, другой вокруг контрабаса.

– Клево, клево, клево! – услышала Варя от Васи. Вася отложил саксофон и, подойдя к Варе, поцеловал её в щечку. – Блеск!

– Так не честно, Вася! – и Костя выдул пассаж на саксе. – А я!

– Тренироваться надо чаще, – съязвил Вася.

– Тренируйся – не тренируйся, а жить мне осталось – два понедельника! – Варюха села на круглый стульчик и крутанулась, раскинув ноги в стороны.

– Чего, говоришь? – Леша вылез из-за своих барабанов, – не понял?

– Ты чего, Варь? Что случилось? Какие еще два понедельника? Ты чего, собралась помирать что ли? – ребята перебивали друг друга, обступив свою солистку. Это была полная неожиданность для всех них.

– Вот это номер, ничего не понимаю, – Костя облокотился на Варюхины плечи. – Ты что, заболела? У тебя температура?

– Я не заболела, нет. Нет, точнее, заболела.

– Чем еще?

– Это очень редкая болезнь, – Варя сделала паузу.

– Не тяни. Поможем. Надо будет, свою кровь отдадим, лишь бы ты здоровая была.

– Нет, ребята! В этом вы мне помочь не сможете! Эту болезнь я должна победить сама!

И никак иначе!

– Да что за болезнь такая? Не тяни, а то по шее получишь.

Варя засмеялась.

– Ребята, я вас очень всех люблю! Всех! Но экзамены за меня вы ведь сдавать не сможете.

Верно?

– Какие экзамены и где?

– Я еду поступать в Гнесинское училище на вокальное отделение. – Она замерла и ждала реакции. Что сейчас будет?

Ребята как подкошенные бухнулись на стулья.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день? – У Костика больше не было слов, и он только развел руками.

– Картина Репина «Приплыли», – охнул Глеб, и замолчал.

Воцарилась гробовая тишина. Было слышно, как муха зажуужала на подоконнике и стала биться о стекло.

– Так хорошо началось, – протянул кто-то уныло.

– И так скверно кончилось, – закончил Вася знаменитую фразу. – А нам что делать? Что нам делать? А выступления? И кто мы будем без вокала? – внезапно он запел, – когда уехала Варвара...

Но Антон его оборвал:

– Варь, может, обождешь? Ты смотри, у нас ведь сейчас одна из лучших программ в клубах. Нас постоянно приглашают. Это ведь уже работа. Можно сказать, профессиональная. Скоро спонсоры появятся, и тогда раскрутимся по-настоящему.

Антон молчал до сего момента, а тут выдал целую тираду.

– А что скажет Жорж? – Варя решила нарушить молчание и повернулась к администратору, который тихо-смирно сидел в самом углу и покусывал ногти. Он был самым старшим из всего коллектива и самым опытным. Лет пять как уже крутился в местном шоу-бизнесе и знал все расклады. Жора сам был хорошим пройдохой, и обмануть его еще никому не удалось, а тут такой конфуз. Подняв голову, он посмотрел на Варю, но так ничего и не сказал.

– Вот видишь, даже у Жоржа и то нет ответа на твой вопрос.

– Ребята, но я хочу учиться! Что в этом плохого? Хочу получить профессиональное образование, – она оглядела всех ребят словно ища в них поддержки.

– Денег много накопила?

– Зачем? – Варя явно не поняла подоплеку этого вопроса.

– А как же тогда ты собираешься поступать в Гнесинское? По благу?

– По какому благу? Вы что? Откуда у меня благу. Я там близко никого не знаю.

– Ну, если блага нет, тогда точно не поступишь. Только деньги прокатаешь и все наши выступления сорвешь. Варя, милая, – Костик встал перед ней на колени и воздел руки к небу. – Христом—Богом прошу, не покидай нашей обители, – и он принялся целовать ей колени.

– Хоть Христом, хоть Богом, а поздно, батенька, поздно! – отбивалась Варя.

– Это еще почему? – спросили все хором.

– Не по кочану, и не по капусте, а во исполнение воли моей матушки, возжелавшей определить меня на время сдачи приемных (именно так она и произнесла это слово) экзаменов на постой к своему дальнему родственнику, дабы я была там по возможности под присмотром бдительного ока. Нарушить сие не могу, яко дала верное слово поступить так, как велит матушка, и посему «завтре», вечерней лошастью, пардон, поездом, отваливаю в славную столицу нашей огромной Родины, – с таким пафосом, правда, еле сдерживая смех, Варя проговорила такой монолог, наверное, впервые в своей жизни.

Предположив, что Варя просто прикальвается, ребята рассмеялись.

– Смех, смехом, а я на самом деле завтра уезжаю, – Варя сказала абсолютно серьезным тоном.

– А как же мы? – Костик растерянно смотрел ей в глаза.

– А номер, а выступления? – проговорил Вася и непроизвольно погладил свой саксофон, нежно, как девушку на первом свидании.

– Горим, как шведы под Полтавой! – тяжело протянул Алексей.

– Хорош стонать, что делать будем? – Жора осмотрел всех с ног до головы.

– М-да! Хорошее кидалово ты нам подкинула, – Глеб был явно расстроен. Оставив гитару у стены и не прощаясь с друзьями, он побрел к выходу.

– Адью! – бросил он напоследок и, открыв дверь, вышел из комнаты.

– Мальчишки, ну что вы. Разве так можно! Я же Вас люблю! Думаете, мне будет легко? А если не поступлю, мать меня не поймет! Поймите и вы меня! Мне тоже нелегко. Мне без вас будет очень скучно! – и она обняла Костика с Васей.

– А деньги то хоть есть у тебя? На что там жить будешь? Москва не Сибирь! Здесь дорого, а там еще дороже, – Жора сел на стул напротив ребят. – Будь, что будет, мужики, но Варюхе надо помочь.

– Есть идея! – тихо так произнес Вася.

– Колись, Сакс! – Костя устремил свой взгляд на Ваську.

– Я вчера звонил Злате в «Фараон», у них как раз в программе прокол, кто-то заболел, и есть шанс заткнуть дыру. Пару стюльников обещала. Танцуем степ, поем тройку наших хитов, и дело в шляпе, а, Варь? Ты согласна?

– Йес! Пацаны, вы молодцы! Я знала, что вы меня поймете!

– Ладно, пошел звонить. – Васька вышел из комнаты.

– Варь, мне надо с тобой поговорить, – Костя шепнул ей на ухо. – Выйдем.

Вслед за Васей они вышли из комнаты.

Когда они вышли в коридор, Костя сразу развернул Варю к себе лицом и тут же спросил:

– Варь, я ведь тебя люблю! Ты уедешь и забудешь меня, ведь так, да?

– Костя! Зачем так!

– А как? Неужели я тебе совсем безразличен?

– Нет! Совсем нет! Я тоже тебя люблю! Но что же мне теперь и учиться нельзя, да? Так и торчат в этом захолустье всю жизнь, как мать?

– Я поеду с тобой.

– Куда?

– В Москву!

– А жить где будешь?

– Пристроюсь.

– А на что?

– Работу найду. Или я не музыкант.

– Ты шутишь, Костя!

– Нисколько.

В коридоре появился Вася. Он влетел на радостях и закричал:

– Всё путем, ребята! Нас ждут!

Вечером дома у Вари все домашние сидели за столом и пили чай. На столе стояла не убранная бутылка вина.

– Мать, ты чего замолчала! Чай, не на похоронах сидим. Давай еще по стопочке примем и пожелаем нашей Варюхе удачно сдать экзамены. – Дед налил в рюмку вина и поднял её над столом.

Мать Вари, худенькая симпатичная женщина лет сорока с небольшим сидела тихо и молчала. На призыв деда она подняла свою рюмку и тихо сказала:

– Вот ты и выросла, дочка. Поезжай в Москву учиться. Может, хотя бы у тебя получится то, что у меня в свое время не получилось. Я тоже очень хотела учиться, но, видно, было не судьба. А так хотелось петь на большой эстраде. Как я любила Клавдию Шульженко!

– А чо, хорошая была певица, – подхватил дед. – Мне особенно нравилась у нее, эта, песня, как её, а, вот: «Давай закурим, товарищ, по одной, давай закурим, товарищ мой!» – и он затянул строчку из песни.

– Я знаю, она хорошо пела. Вот только джаз, по-моему, она не пела. Тогда вообще редко кто пел джаз. И почему джаз считали «музыкой толстых». Как будто только богатые под него пели и танцевали. А музыканты? – Варя замолчала. Встав со стула, она взяла газету с программой, которая лежала на телевизоре, и со словами:

– Как всегда, наверное, опять ничего хорошего не показывают. – включила телевизор с пульта. На экране появились машины в стиле ретро. Полицейские перестреливались с гангстерами.

– Ба! Да это же «В джазе только девушки». Вот это номер! Классно! Обожаю этот фильм, – завопила Варюха у телевизора.

– Опять стреляют! – крикнул дед и встал из-за стола.

– Дед, ты что, это же классная комедия! Мэрилин Монро играет и главное, поет! Блин, я давно не видела эту комедию! Вот везуха!

– Ладно тебе, отец, пусть смотрит, а мы пойдем на кухню, – мать стала собирать тарелки со стола.

Варюха уселась в кресло напротив телевизора и сразу про все забыла, она погрузилась в мир музыки и комедии.

– Варь, ты вещи-то все собрала. Ничего не забыла? – мама подошла к креслу и, наклонившись, обняла дочь.

– Мам, я тебя очень люблю! Мне там, в Москве, будет без тебя очень скучно.

– Ты уже взрослая! Мне даже не верится, что так быстро пролетело время. Смотри, не влюбись там сразу в какого-нибудь миллионера. Их там полно сейчас как собак нерезаных. А то поиграется с тобой, как с котёнком, и бросит! Ты ведь у меня такая доверчивая!

В это время на экране телевизора героиня Мэрилин Монро флиртовала с мнимым миллионером.

– Не бойся, мама, я с ними разберусь!

Глава четвертая, в которой начинаются горячие приключения

В ночном клубе, как всегда, было полно народу. А где еще собираться после тяжелого трудового дня разного рода бизнесменам и местным бандитам? Одни смешались с другими, и отличить в наше время одного от другого было подчас очень проблематично. А клуб выполнял не только функцию развлекательную, но и, как было принято почти по всей России, здесь происходили разного рода деловые встречи, а иногда и разборки. И то, и другое было не чуждо таким заведениям. Тут и там среди подвыпившей публики крутились проститутки, на маленькой сцене в лучах прожекторов вертелась стриптизерша.

Справа от сцены в отдельном кабинете отдыхала местная братва. Во главе стола сидел поджарый лет пятидесяти господин в темно-синем костюме с выщипанной челкой и с выщипанными волосами. На безымянном пальце правой руки сверкал бриллиантом массивный перстень из платины.

Вокруг него сидело человек десять «братков», кто при галстуках, а кто и, по старинке, с золотой цепью на толстой шее.

– Господа! У нас сегодня на повестке дня две новости. Как говорят в таких случаях, одна хорошая и одна не очень.

Шеф обвел всех строгим взглядом. Все как по команде прекратили есть и устремили свои взгляды на него.

– С какой начать?

– Бугор, начни с любой, а там по ситуёвине и разгребём. Об чем вопрос, папа? – это почти из угла стола поднял голос молодой браток с короткой стрижкой.

– Заткнись, Паровоз. Тебя забыли спросить, – рявкнул на него сосед-бугай. – Извини, папа! Мы все во внимании к тебе!

– Господа! Я должен сообщить Вам пренеприятнейшее известие! – папа поднял указательный палец, как перст божий. – К нам действительно едет ревизор. Пора подбить бабки. Общак – дело святое! Состав с никелем ушел в конце прошлой недели. Как продвигаются дела на таможне?

– Вопрос однозначный! Кителю свое дело знают туго, можешь не волноваться, папа. Мужчина лет тридцати, с красивым лицом, сразу видно – образованный, спокойно и неторопливо отвечал...

За кулисами сцены уже одетые к выходу стояли Костя, Вася и Варя. Варя была в ослепительно белом платье, узком и длинном, с разрезами на бедрах, и белых туфлях на высоком каблуке. Вася и Костя с саксофоном и бас-гитарой были в темных костюмах и белых рубашках, а на ногах лаковые туфли.

– Вжарим напоследок! – Вася повертел в руках свой саксофон, – а, ребятки?

– Щас мы им покажем класс! Пусть пипл оттянется по полной программе, любители попсы, толстые мясоеды! – Костя заводил себя перед выступлением, чтобы войти в раж.

– Всё, мальчишки! Приготовились! – Варя ждала объявления ведущего вечера.

На сцене, с радиомикрофоном топтался ведущий, развлекая публику. И вот, наконец он объявил:

– Господа! Сегодня в нашем клубе премьера! Впервые и только у нас группа «Джаз-Ремейк»! Солистка Варя Одинцова! Встречайте, господа!

– Какой ещё «Джаз-Ремейк»? – только и успел спросить Костик, как Варя уже выскочила на сцену.

– Так надо, Костик! – только и успел ответить Вася.

Ребята начали играть веселую песенку. Как только Варя запела на английском языке, раздались аплодисменты. Вася наяривал на саксофоне, а Костик на бас гитаре. Эх, еще бы кто-нибудь на рояле подыграл бы, было бы совсем хорошо. И, словно услышав голос ребят, на сцену вбежал Семен, уселся за рояль и что тут началось! Это был полный улет. А когда в середине песни все трое стали стучать степ, а Семен подыгрывал им на рояле, зал взорвался аплодисментами.

– Что там за шум, Шуруп?

– Щас узнаю, папа! – толстяк медленно встал из-за стола и вышел из кабинета.

– Итак, с ревизором, я думаю, мы вопрос решили. Попрыгал и будет! Информация приходит и уходит, но утекать она должна только в одну сторону. Вопросы есть? Правильно! Молчание – золото! Кто молчит – тот живет! Ха-ха!

Вернулся Шуруп, подошел к папе, наклонился и что-то сказал ему шепотом.

– Не шепчи, говори громче!

– Я говорю: какая-то герла трусная поет и пляшет, чечетку отбивает. Пипл отрубается в натуре. Чё, сюда притырить бабу?

– Пригласи девушку к столу. Деликатно, Шуруп! Ты, понял!

– Без базара, папа, все понял! – показал Шуруп руками, дескать, как не понять.

Шуруп отчалил снова к сцене.

Ребята заканчивали исполнять песню, когда на сцене появился Шуруп, не обращая внимания на публику и музыкантов, подошел к Варе и на ухо, так, чтобы она слышала, сказал:

– Папа тебя приглашает к столу. Так что, заканчивай – и к нам в кабинет. Поняла?

Варя как пела, так и пела, даже внимания не обратила на какого-то хама.

– Ты, это, не тяни, папа не любит ждать! А то тебя натянет, как шарик на газовый баллон! Слышь, ты, герла?

Варя резко развернулась с микрофоном, и удар пришелся строго в лицо Шурупа. От неожиданности он оступился, грохнулся на пол и замотал головой. Только тут Варя заметила и почувствовала, что кого-то ударила рукой с микрофоном. Шуруп закричал во все горло:

– Ах ты, сука! Да я тебя... – он попытался встать с пола, но получив гитарой от Костика по голове, растянулся на сцене, и тут в зал с криками и воплями «Все оставаться на своих местах!» ворвались омовцы в масках. Их было очень много. Несколько человек сразу побежали в сторону отдельного кабинета. Один из них ударил Шурупа прикладом автомата в лицо, когда тот попытался встать на пути у омовца. Схватившись за голову, он рухнул на пол сцены. В зале поднялась паника. В основном кричали женщины.

– Пора уносить ноги. – Костик схватил гитару и юркнул за кулисы. Варя и Вася последовали за ним. Семен уже лежал под роялем и, увидев, что ребята сматывают удочки, быстро попластунски стал выползать со сцены. Мимо пробежали омовцы, но он видел только их ноги.

Злата, администратор ночного клуба «Фараон», сидела в своем маленьком кабинете и красила губы, когда туда вслед за Васей ввалились все остальные ребята, и Вася с ходу, без предисловия, выпалил:

– Злата, спасай! Полный атас! Облава! Дай ключи от машины, до вокзала добраться. У Вари билет на поезд ночной, да еще чемодан с вещами. Выручай, я в долгу не останусь. И ещё, если можешь, выручи деньгами, ладно?

Злата быстро оценила ситуацию и, всё поняв, достала из сумочки ключи от своей «Шкоды» и протянула Васе.

– Держи! Только ради нашей дружбы! Машина в гараже клуба, за углом! – и тут же добавила: – Это вам за выступление, – она стала доставать деньги, – и за моральный ущерб, – и протянула три стодолларовые бумажки. – Спешите! – но Вася продолжал ещё стоять. Злата даже прикрикнула на него:

– Вася, не стой как памятник на постаменте!

Вася опомнился, наклонился и быстро поцеловал в щечку Злату.

– Спасибо тебе, родная! Не подвела! – и выскочил в коридор. Варя, Костик и Семен бросились за ним. Заскочив в свою гримерную, они стали переодеваться.

Омоновцы скрутили сидящих за столом бандитов. В кабинет вошел оперативник в гражданской одежде и подошел сразу к главному:

– Итак, собрание окончено. Я думаю, Владлен Николаевич, что на этот раз вы залогом не отделаетесь. Пора ехать, пора!

– Юрий Петрович, куда, а главное, за что?

– В один прекрасный особняк.

– А что мне там делать?

– Немного отдохнёшь. А я позабочусь, чтобы тебе приготовили новые домашние тапочки. В клеточку!

– Оригинально. Нечего сказать. А главное, очень остроумно, – и он снисходительно посмотрел на своих коллег.

– Какие у Вас на меня доказательства? Вы меня обижаете. Я честный человек! А главное, законопослушный бизнесмен.

– Вот только налоги не всегда изволите платить. Слишком много стирального порошка производите.

– Это разве преступление?

– С нарушением ГОСТа. У меня свои источники. Ваш Бикса – подставной директор, и вы это знаете, потому что именно вы, Владлен Николаевич Иркутский, – крестный отец всего района

– Бикса? А кто это, Юрий Петрович? Первый раз слышу это имя.

– А у нас разные источники информации.

– Гвоздодёр, видимо, не те гвозди вытащил.

– Гвоздодёр? Это имя такое? – он удивился и дёрнул плечами. – Однако. Первый раз слышу.

– Ложный след взяли, Юрий Петрович, ложный. Большую ошибку делаете, ой большую, – он оглянулся на Шурупа, тот всё понял.

– Лучше ищите себе нового адвоката, эти вам уже не помогут.

– И это всё, что вы мне шьёте? Налоги? Порошок. Побойтесь Бога, Юрий Петрович! Кто в нашей стране платит все налоги? Я плачу гораздо больше других! Я хочу спать спокойно!

– Вот у нас и поспите спокойно. Заплатите и спите себе на здоровье!

– Да уж после ваших налогов спать будет не на чем, не то что спокойно. А про здоровье я вообще молчу. Минералки не хватит кислотно-щелочной баланс восстанавливать. Так-то вот!

– Не переживайте, Владлен Николаевич. – Воды из-под крана я вам лично целое ведро обещаю!

– Вот спасибо, угодили!

– Достаточно. Уводите их! – Юрий Петрович развернулся и пошёл прочь из зала.

Из гримерной показалась голова какой-то черноволосой девушки в водолазке, с большой грудью и расклешенной юбке. Под юбкой были черные колготки, на ногах такие же черные туфли на каблучке. Голова посмотрела по сторонам и, не увидев омоновцев, тихо шепнула явно мужским голосом:

– Кажется, здесь тихо. Пора линять!

Появилась еще одна девушка в белом парике и с ярко накрашенными губами. Посмотрев в разные стороны и никого не увидев, они медленно вышли из комнаты. Следом вышли Варя и Семен. У одной из девушек в руках был чехол с бас-гитарой, а у второй с саксофоном.

Варя шла с маленькой сумочкой, а Семен нес её чемодан. Быстрыми шагами они направились к выходу из клуба. Завернув за угол, Костя, а это был именно он в женском наряде, увидел омоновцев, которые стояли у самых дверей. Путь был перекрыт. Тихо все вместе отступили назад.

– Надо через туалетное окно вылезать, другого пути нет, – шепнул Костя ребятам.

– Попробуем, – Вася его поддержал. Варя и Семен согласно кивнули головами.

Все четверо быстро засеменяли по коридору в сторону туалетной комнаты.

Там никого не было, и окно вверху было приоткрыто. Осталось только выбраться наружу.

– Табуретка нужна, – Варя покрутила головой, пытаясь найти искомое.

– Так обойдемся. Быстреей давай. – Вася встал к стене спиной и сложил руки, сделав из них подобие ступеньки.

В ночном небе ярко светила луна.

У клуба стояли и прохаживались омоновцы. Горели фары машин.

Варя, Вася и Костик с чемоданом и кофрами с инструментами пробирались в темноте за кустами, пригибаясь, чтобы их никто не увидел.

Омоновцы выводили всех задержанных и молча сажали их в автобус, слегка подталкивая прикладами автоматов, чтобы не задерживали остальных.

В крытом гараже под яркой лампочкой за столом сидели мужики и травили анекдоты. Все смеялись. Слово взял толстый и лысый лет тридцати мужик:

– Почему некоторые женщины не носят колец, серег, кулонов и ожерелья?

– А хрен их знает! – влез тонкомордый с фиксой в зубах.

– Дурак! – оборвал его рассказывающий. – Потому что вышли замуж по любви.

Все сидящие заржали.

– Фигня, – молодой парень поковырял в зубах, и начал: – Объява в газете: «Продаем лицензии на отстрел куриных окорочков в период весенней миграции. Союзконтракт.»

Опять все заржали.

В это время в открытых воротах появились ребята с инструментами. Сидящие за столом даже не сразу оглянулись на вошедших. А когда оглянулись, то увидели перед собой трех симпатичных девушек с чемоданом и инструментами.

– Вам кого, птички? – спросил самый старший.

– Нам, это... – Вася немного запнулся, вспомнив, что одет, как девушка, улыбнулся и, сделав шаг вперед, уже бодрым и по возможности женским голосом сказал:

– Нам Злата дала ключи от машины, чтобы доехать до вокзала, а то мы на поезд опаздываем. Вы не подскажете, где её машина стоит?

– Рыжий парень вылез из-за стола, подошел к незнакомкам, осмотрел их и, ухмыльнувшись, показал рукой в сторону:

– Вон её тачка стоит, за белым «мерсом». Сечешь?

– Да, да, спасибо! – только и сказал в ответ Вася, и все трое быстро направились к машине.

У Костика даже подгибались ноги на высоких каблуках. Вася первым подошел к «Шкоде», нажал кнопку брелка. Щелкнули заглушки, и двери можно было открывать. Распахнув дверь, он наконец поставил на землю чемодан и залез в салон, рукой открыл остальные двери. Варя и Костик стали укладывать инструменты в салон, а Вася, сев за руль, уже повернул ключ в замке зажигания и завел машину. Мотор тихо заурчал, двигатель прогрелся.

– Ну вот, кажется, все спокойно! Пора на вокзал. До отхода поезда остался один час! – Вася оглянулся назад, чтобы посмотреть и решить, как лучше развернуться в гараже и выехать на улицу.

В этот момент в гараж резко влетела «Бээмвэшка», затормозила, и из нее выскочило пять человек с автоматами в руках. Они окружили сидевших за столом.

– Встать! К стенке пошли! Руки вверх! – рявкнул здоровый бугай с перебитым носом. – А тебе, Гвоздодёр, особое приглашение нужно? Давай, пошевеливайся!

Оглядываясь по сторонам, ребята нехотя встали из-за стола и стали пятиться к стене.

Из машины, не торопясь, наконец вылез молодой симпатичный мужчина лет тридцати пяти в кожаной куртке, с тонким белым шёлковым шарфиком на шее и подошёл к стоящим. Посмотрел на них и обратился к одному из них, явно старшему:

– Ну, привет, Гвоздодёр! Я уже по тебе соскучился, давненько не виделись!

– Это ты Бикса! А что ты тут делаешь?

– Заехал заплатить тебе по счёту.

– Но ты мне ничего не должен.

– Ошибаешься, дорогой, ошибаешься. Такую любезность оказал нам с папой, порекомендовал наш ресторан. Я в восторге от такой рекомендации.

– Я никому и ничего не рекомендовал, Бикса.

– Ну как же, дорогой? Столько побитой посуды, испорченная мебель. Нужен дорогой ремонт. И кто за это заплатит? Ну, не эти же карточные короли, а? – и он взял лежащие на столе карты. – Смотрю, любишь королей. Ну- ну!

– Ты чего, Бикса? Какой ещё ресторан, какая мебель, какой ремонт? Решил договор нарушить? Папа тебе этого не простит. – Старший, а это был Гвоздодёр, стал пятиться к стене.

– Засунь себе в задницу этот договор. Прощай, Гвоздодёр! На сей раз ты эти гвозди уже не вытащишь, – Бикса ухмыльнулся дьявольской улыбкой. Помощник подал ему короткоствольный автомат.

– Не надо, не делай этого, Бикса! Я не хочу. Ну почему, Бикса! Почему?

– Много говоришь! А это вредно! Для тебя! – и нажал на курок автомата. Автоматная очередь разбила тишину и наполнила диким гулом гараж. Все, кто стоял у стенки, медленно попадали на бетонный пол. Кто-то еще дышал, кто-то дергался в предсмертных конвульсиях, у кого-то изо рта вытекала струйка алой крови.

– Бикса? – спросил бандит в кожанке и спортивных штанах.

– Что?

– Кажется, мотор у тачки работает. Слышишь?

– Где? – Бикса повернулся, ища взглядом машину.

Бандит в спортивных штанах уже рванулся на звук мотора. Остальные тоже повернулись на звук.

Раненый Гвоздодёр в это время достал из брюк пистолет и напрягшись из последних сил выстрелил в Биксу. Того развернуло на месте. Пуля попала ему в руку, автомат выпал, и он закричал:

– Сука! Падаль! Убью тебя, тварь!

Парень в спортивных штанах не успел добежать до «Шкоды», остановился как вкопанный, не зная, что ему делать в данный момент. Он посмотрел в сторону выстрела и увидел, как оставшиеся трое ребят разрядили свои автоматы в лежащего. Тело раненого только задержалось под выстрелами и затихло.

Васька осторожно выглянул из-за сиденья и, увидев, что на них никто в данном случае не обращает внимания, резко дал по газам. Машина рванула с места, задом выскочила из гаража, так же резко развернулась, и тут вслед им раздалась автоматная очередь. Послышался звук разбитого стекла и хруст фанеры.

– Они в гитару попали, – завопил Костя, – ходу, Вася!

И «Шкода» помчалась по ночным улицам города.

– В машину, быстро! – крикнул Бикса. – Убить сволочей. Живьем не брать!

Держась за руку, он побежал к машине. Все последовали его примеру. «БМВ» взревел мотором, быстро выехал из гаража и устремился в погоню за «Шкодой». Мелькали фонари и пустынные ночные улицы.

– Давай, Скелет, быстрее! Их надо догнать, понял? – Бикса говорил тихо, словно шипел, и оттого становилось еще страшнее от его слов. Водила крутил баранку и жал на педаль газа.

– Мальчики, они нас догонят и убьют! – лепетала Варя, и из глаз у неё уже текли слезки.

– Не дрейфь, Варюха! Где наша не пропадала! Выскочим! – Васька следил за дорогой и совсем не обращал внимания на светофоры. Было просто не до них. Сзади на хвосте появилась бандитская «Бээмвэшка», которая стала неумолимо приближаться к «Шкоде». Костик постоянно оглядывался назад.

– Вася, милый, давай!

– А я что делаю? И так лечу, как угорелый!

– Поймают – убьют ведь. – Костя вертелся на заднем сиденье автомобиля.

И тут из «Бээмвэшки» начали стрелять из автомата. Костя и Варя пригнулись, а Васька весь слился с рулем и только успевал поворачивать им то вправо, то влево. Отстреливаться было нечем.

– По колесам бей, по колесам! – Бикса командовал своими подручными, держась за раненую руку.

«Рыжий» высунулся в открытое окно и дал короткую очередь из автомата.

«Шкода» проскочила перекресток на красный свет. Следом за ней из-за поворота, ревя сиреной, выскочила пожарная машина. У обочины стояла милицейская машина. Следом за «Шкодой» и пожарной проскочила «БМВ», и сидящий за рулем милиционер увидел бандита, который стрелял из автомата.

– Нет, ты только погляди, а? Совсем оборзели. Беспредел включили! А ну стоять! – и он завел движок.

Милицейские «Жигули» резко рванули с места в погоню. Рядом сидящий сержант уже сообщал дежурному по городу:

– «Орел», «Орел», я «Пегас». На Центральной перестрелка. «БМВ» преследует «Шкоду». Автоматная стрельба. Начинаю преследовать. Жду подкрепления.

На милицейских «Жигулях» закурилась мигалка и завывла сирена.

– Блин, менты на хвосте! – крикнул Скелет. – Щас палить начнут.

– Чего ждёте? Стреляйте! – Бикса крикнул своим помощникам, которые сидели от него по бокам. Как по команде, они опустили стекла и, развернувшись, стали отстреливаться от милицейской машины. Тут послышалась еще одна сирена, и на улицу из переулка выскочила «Волга» с мигалками. Из неё тоже стали стрелять по «Бээмвэшке», но та уворачивалась и вертелась как уж на сковородке, виляя по всей ширине улицы, пытаясь обогнать пожарную машину, которая мчалась по самой середине дороги. Чуть впереди неслась «Шкода», тоже виляя из стороны в сторону так, чтобы пули естественно, не попали в неё.

Бикса что-то кричал своим помощникам, те стреляли из автоматов. Ослепляя всех фарами и разрывая тишину города сиренами, неслись милицейские машины, из которых поочередно стреляли.

Варя упала на сиденье и тихо скулила:

– Только бы не попали! Только бы не попали! Вася! Милый! Спасай нас, пока мы еще живы, а то потом поздно будет!

Из милицейской «Волги» высунулся сержант и, держа автомат двумя руками, сделал несколько длинных очередей. И тут же из «БМВ» высунулись два бандита и одновременно стали строчить из автоматов по «Волге». Пули сразу достигли цели, «Волга» вспыхнула ярким пламенем, раздался оглушительный взрыв, и колеса полетели в разные стороны.

Из «Жигулей» показался милиционер с автоматом. Он прицелился и нажал на курок несколько раз, выпуская короткие очереди. Машина с бандитами продолжала мчаться на огромной скорости. Перезарядив автоматный рожок, бандит снова высунулся из окна и мелкими очередями стал стрелять по «Жигулям». Только резина свистела на поворотах. Милиционер еще раз высунулся из машины и выпустил длинную очередь по бандитам. Пули попали в бензобак «БМВ», раздался страшный взрыв. Пламя озарило улицу. Резко затормозила пожарная машина. Из неё выскочили пожарные и, быстро раскрутив шланги, стали заливать водой горящую машину.

– Вау! – хором крикнули ребята.

– Всё! Кранты им настали! – вопил Костик от радости.

– А по нам стрелять не будут! – сквозь шум мотора кричала Варя.

– Кто их знает? Они ведь не знают, кто едет в нашей машине. Может статься, что подумают про нас, что мы тоже бандиты, и начнут стрелять, – Вася старался выглядеть спокойным, но чувствовалось, что дается ему это с трудом.

– Пока они там будут разбираться с «Бээмвешкой», мы вполне сможем уйти от преследования. Нам это надо? Нет! Сколько минут до отправления поезда осталось?

Варя взглянула на часы: – Всего двадцать минут осталось. Успеем?

– Думаю, что да, – Вася вытер лоб ладонью, и пропел – «До отправления поезда осталось пять минут...»

«Шкода» приближалась к вокзалу.

Глава пятая: А поезд шёл, чик-чик-чик-чик... в столицу

Все трое стояли у вагона поезда и прощались.

– Ребята, спасибо вам большое. – Варя говорила тихо, чтобы никто не слышал и не догадался, кто скрывается под женскими нарядами.

– Трудно будет без тебя, – так же тихо прошептал Костик, и поцеловал Варю в щечку.

– Мне тоже, – шептал Вася и чмокал Варю в щечку, как Костик, только с другого бока.

– Мне тоже без вас будет ужасно скучно! Вы даже себе этого не представляете, как я буду без вас скучать. И номер без вас – не номер.

– Так в чем дело, Варя? – это Костик «прокричал» громким шёпотом.

– Все, мальчики, я забираюсь в купе. Скоро поезд отходит. Все! Целую! А то длинные провода – долгие слезы. А я этого не хочу! – она хлопнула ребят по плечам и прыгнула в вагон.

– Пока! – и скрылась в тамбуре.

«Девочки» развернулись, и зашагали по перрону. Вдруг Костик остановился, обернулся, посмотрел на часы.

– Ты чего, Костя? – только и спросил Вася друга.

– Еще есть десять минут до отправления поезда.

– Ты куда?

В купе было тихо. Шторки на окнах были затянуты, и свет от фонаря на улице падал неярким пятном на стенку купе. Варя уже расположилась на своем месте, когда дверь открылась, и в купе вошел высокий, стройный мужчина в светлом костюме, при галстуке и с дипломатом в руке.

– Добрый вечер! – поздоровался человек с Варей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.